

Ермий Философ

Осмеяние языческих философов Ермий Философ

1. Блаженный апостол Павел в послании к коринфянам, жителям, соседственным со страной Греции, которую называют Лаконией, так возвещает: «возлюбленные, премудрость... мира сего есть глупость в очах Божиих» (1Кор. 3:19), и это сказал он не мимо истины. Ибо, мне кажется, премудрость эта получила начало от падения ангелов, и от сего-то философы, излагая свои учения, не согласны между собою ни в словах, ни в мыслях. Так одни из них душу человеческую признают за огонь, [как Демокрит;]¹ другие – за воздух, [как стоики;] иные за ум, иные за движение, [как Гераклит;] другие – за испарение; другие за силу, истекающую из звезд; другие за число одаренное силою движения, [как Пифагор;] иные за воду рождающую, [как Гиппон;] иные за стихию из стихий; иные за гармонию, [как Динарх;] иные за кровь, [как Критий;] иные за дух; иные за единицу, [как Пифагор;] древние также думают различно. Сколько мнений об этом предмете! Сколько рассуждений софистов, которые больше между собою спорят, чем находят истину!

2. Но пусть были бы они несогласны между собою относительно души, – по крайней мере, согласно учили о прочих предметах? Между тем, один признает удовольствие благом души, другой – злом, иной чем-то средним между благом и злом. Далее, одни говорят, что отделение ее «от тела» – благо, другие – зло, третьи – среднее между добром и злом. Далее, одни говорят, что природа души бессмертна, другие, – что она смертна, третьи, что она существует на короткое время; одни низводят ее в состояние животных, другие – разлагают в атомы; одни утверждают, что она переходит в тела трижды, другие назначают ей такое странствование в продолжение трех тысяч лет: те, которые сами не живут и ста лет, обещают душе три тысячи лет существования! Как назвать эти мнения? Не химерою ли, как мне кажется, или глупостью, или безумием, или нелепостью, или всем этим вместе? Если они нашли какую-нибудь истину, то пусть бы они одинаково мыслили, или говорили согласно друг с другом: тогда и я охотно соглашусь с ними. Но когда они разрывают, так сказать, душу, превращают ее один в такое естество, другой в другое, и подвергают различным преобразованиям вещественным, признаюсь, такие

превращения порождают во мне отвращение. То я бессмертен, и радуюсь; то я смертен, и плачу; то разлагают меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухом, становлюсь огнем; то я не воздух и не огонь, но меня делают зверем, или превращают в рыбу, и я делаюсь братом дельфинов. Смотри на себя, я прихожу в ужас от своего тела, не знаю как назвать его, человеком ли, или собакой, или волком, или быком, или птицей, или змеем, или драконом, или химерою. Те любители мудрости превращают меня во всякого рода животных, в земных, водяных, летающих, многовидных, диких или домашних, немых или издающих звуки, бессловесных или разумных. Я плаваю, летаю, парю в воздухе, пресмыкаюсь, бегаю, сижу. Является, наконец, Эмпедокл, и делает из меня куст.

3. Если философы разноречат таким образом в учении о душе человека, тем более они не могли сказать истину о богах или о мире. Они так храбры, чтобы не сказать – тупы: не в состоянии будучи постигнуть собственной души, исследуют природу самих богов, и, не зная собственного тела, истощаются в усилиях познать естество мира. Относительно начал природы они чрезвычайно разногласят друг с другом. Если б я встретился с Анаксагором, он стал бы учить меня вот чему: начало всех вещей есть ум, он виновник и владыка всего; он беспорядочное приводит в порядок, неподвижному дает движение, смешанное разделяет, нестройное устрояет. Такое учение Анаксагора нравится мне, и я вполне соглашаюсь с его мыслями. Но против него восстают Меллис и Парменид: последний в поэтических стихах возвещает, что сущее есть единое, вечное, беспредельное, недвижимое и совершенно равное себе. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь с этим учением, и Парменид вытесняет из души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился в своих мыслях, выступает в свою очередь Анаксимен с другою речью: я тебе говорю, кричит он, что все есть воздух; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разредить и расширить, то – эфир и огонь; по возвращении в свое естественное состояние он становится чистым воздухом; а если будет сгущаться, то изменяется. Я опять перехожу на сторону этого мнения, и люблю уже Анаксимена.

4. Но восстает против этого Эмпедокл с грозным видом и из глубины Этны громко вопиет: начало всего – ненависть и любовь; последняя соединяет, а первая разделяет, и от борьбы их происходит все. По моему мнению, они сходны между собою и несходны, беспредельны и имеют предел, вечны и временны. Прекрасно, Эмпедокл, я иду за тобою до самого жерла Этны. Но на другой стороне стоит Протагор и удерживает меня,

говоря: предел и мера вещей есть человек; что подлежит чувствам, то действительно существует, а что не подлежит им, того нет на самом деле. Прельщенный такою речью Протагора, я в восхищении от того, что он все, по крайней мере, наибольшую часть представляет человеку. Но с другой стороны Фалес предлагает мне истину, толкуя: начало всего есть вода, все образуется из влаги, и все превращается во влагу, самая земля плавает на воде. Отчего бы не поверить мне Фалесу, древнейшему из ионийских философов? Но соотечественник его, Анаксимандр, говорит, что прежде воды существует вечное движение, и чрез него – одно возникает, а другое разрушается. Итак, надобно поверить Анаксимандру.

5. С другой стороны, не пользуется ли славою Архелай, который выдает за начало всего теплоту и холод? Но с ним не согласен великоречивый Платон, утверждая, что начала всех вещей суть Бог, материи и идея. Теперь я вполне убежден. Ибо могу ли не думать согласно с философом, который сочинил колесницу для Юпитера? Но позади стоит ученик его Аристотель, завидующий учителю своему за создание колесницы. Этот указывает иные начала: одно деятельное, а другое страдательное; по его мнению, начало деятельное, не подлежащее действию других вещей, есть эфир, а начало страдательное имеет четыре качества: сухость, влажность, теплота и холод, и от взаимного превращения их происходит возникновение и уничтожение вещей. Я утомился уже, волнуемый мыслями туда и сюда. Остановлюсь на мнении Аристотеля, и уже никакое другое учение не потревожит меня.

6. Но что делать мне? На мою душу нападают старики, древнейшие упомянутых философов: Ферекид, который утверждает, что начала всех вещей Зевс, Хфония и Кронос: Зевс – эфир, Хфония – земля, Кронос – время; что эфир начало деятельное, земля – страдательное, а время – то, в чем происходит все. Но и эти старики спорят между собою. Левкип почитает все это глупостью, и утверждает, что начала всех вещей беспредельны, вечно движимы и чрезвычайно малы, и что тончайшие из них поднявшись вверх, образуют огонь и воздух, а твердые спустившись вниз, составляют воду и землю. Доколе же буду принимать такие учения и ничему истинному не научаться? Разве освободит меня от заблуждения Демокрит, открывающий, что начало всех вещей есть сущее и несущее, что сущее есть полнота, а не-сущее – пустота, и что полнота производит все в пустоте посредством или превращения, или фигуры. Пожалуй, я готов согласиться с добрым Демокритом и вместе с ним смеяться; но меня отвлекает плачущий Гераклит, утверждая: начало всего, есть огонь, который имеет два состояния: разрежение и сгущение, первое –

деятельное, второе страдательное, то – соединяет, а это разделяет. Но, довольно уже для меня: мне вскружили голову столько разных начал. Но вот еще Эпикур приглашает меня не пренебрегать его прекрасного учения об атомах и пустоте, так как все происходит и уничтожается от многообразного и многообразного соединения их.

7. Не противоречу тебе, прекраснейший Эпикур. Но над твоим учением смеется Клеанф, поднимая голову из колодезя, черпая из него истинные начала всех вещей, – Бога и материю, и утверждая, что земля превращается в воду, а вода в воздух, что воздух поднимается вверх, а огонь находится в окружности земли, что по всему миру распростерта душа, часть коей одушевляет и нас. Несмотря на многочисленность этих философов, другая толпа их прибывает ко мне из Ливии: Карнеад и Клитомах и все их последователи; попирая учения всех прочих философов, они сами утверждают, что природа вещей непостижима, и что к истине всегда примешивается некоторая ложь. Что же мне делать после столь долгих утомительных исследований? Как освободить ум мой от такого множества мнений? Если ничто не может быть постигнуто, то истина удалена от людей, а пресловутая философия более гоняется за тенью, нежели обладает знанием вещей.

8. Но вот другие философы древнего поколения, – Пифагор и единоплеменники его, важные и молчаливые, передают мне, как некоторые таинства, иные учения, вместе с главным и таинственным их доказательством: «сам сказал». Начало всех вещей есть единица; из ее разнообразных форм и чисел происходят стихии; число же, форма и мера стихий таковы: огонь составляется из двадцати четырех прямоугольных треугольников, и заключается в четырех равных сторонах, из коих каждая состоит из шести прямоугольных треугольников, так что он уподобляется пирамиде; воздух составляется из сорока восьми треугольников, и заключается в восьми равных сторонах; его сравнивают с восьмигранною фигурой, которая содержит восемь равносторонних треугольников, из коих каждый разделяется на шесть прямых углов; таким образом всего сорок восемь углов; вода составляется из двадцати равных и равносторонних треугольников, и сравнивают ее с фигурой о двадцати гранях, состоящей из ста двадцати равных и равносторонних треугольников, а шесть раз двадцать – сто двадцать; эфир составляется из двенадцати равносторонних пятиугольников и похож на двенадцатигранник, земля составляется из сорока восьми треугольников и заключается в шести равносторонних четырехугольниках, и имеет вид куба: ибо куб состоит из шести четырехугольников, из коих каждый имеет

четыре треугольника, так что всех треугольников вместе двадцать четыре.

9. Так измеряет мир Пифагор! Я снова вдохновенный презираю дом, отечество, жену, детей и ни о чем более не забочусь, возношусь в самый эфир, и, взяв у Пифагора локоть, начинаю мерить огонь. Измерения Зевсова уже недостаточно. Если не вознесется на небо такое важное существо, великое тело и великая душа, то есть я, и не измерит эфира, то пропадет владычество Зевса! Измерив же эфир и сообщив Зевсу сведение о том, сколько углов имеет огонь, я схожу с неба и ем оливы, смоквы, огородные овощи, потом перехожу к воде, и ее, влажную стихию, начинаю измерять локтем, пальцем и полупальцем, а с тем вместе и глубину ее, чтоб и Посидон узнал от меня, как велико море, над которым он владычествует. Я и землю всю обхожу в один день, исследуя ее число, меру и фигуру: ибо вполне уверен, что от столь великого и чудного существа, каков я, не ускользнет и одна пядень вселенной. Кроме того, я узнаю даже и сколько звезд на небе, и сколько рыб в воде, и сколько зверей на земле, и, положив мир на весы, легко могу узнать, сколько в нем весу. Напыщенная знанием таких вещей, душа моя как бы сделалась владычицею всего мира.

10. Но Эпикур наклонившись ко мне говорит: ты, друг мой, измерил только один мир, между тем миров много, и все они беспредельны. Вследствие этого, я вынужден говорить о множестве небес, о множестве различных эфиров, и, запасшись нужным продовольствием на несколько дней, ни мало не медля начинаю странствовать по мирам Эпикура: легко перелетаю пределы Фетисы и Океана, и, прибыв в другой мир, как бы в другое государство, а несколько дней измеряю все. Отсюда я снова переношусь в третий мир, потом в четвертый, в пятый, в десятый, сотый, тысячный, и куда наконец? Все это мрак невежества, черный обман, нескончаемое заблуждение, неполное разумение, непроницаемое неверие. Остается, чтоб я сосчитал самые атомы, из которых образовалось такое множество миров, дабы ничего не упустить в своем исследовании, особенно же столь необходимые и полезные вещи, от которых зависит благосостояние домов и государств. Все это я высказал с той целью, чтобы видно было, как философы противоречат друг другу в мнениях, как исследования их теряются в бесконечности, ни на чем не останавливаясь, и как недостижима и бесполезна цель их усилий, не оправдываемая ни очевидностью, ни здравым разумом.

Примечания

¹ - В квадратных скобках даны слова, внесенные в текст из глосс на полях, составленных переписчиками.

Содержание

Ермий Философ Осмеяние языческих философов	1
Ермий Философ	
Примечания	6